

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семья и домашние Николаи Голатти:

Николаи Голатти — ломбардец, меняла и кредитор.

Алейдис Голатти — супруга Николаи, дочь Йорга де Брюнкера.

Андреа Голатти — брат Николаи, торговец скобяными изделиями.

Гризельда Голатти — покойная супруга Николаи, мать Катрейн.

Арнольд Хюрт — брат Гризельды, дядя Катрейн.

Катрейн де Пьяченца — дочь Николаи и Гризельды, вдова Якоба, мать Марлейн и Урзель, бегинка¹.

Якоб де Пьяченца — покойный отец Марлейн и Урзель, меняла из Бонна.

Марлейн — дочь Катрейн и Якоба, старшая сестра Урзель.

Урзель — дочь Катрейн и Якоба, младшая сестра Марлен.

Роберт де Пьяченца — кузен Якоба из Бонна, покойного мужа Катрейн.

---

¹ Бегинки — религиозное движение, возникшее в средневековой Европе в XII в. Женщины-бегинки вели образ жизни, близкий к монашескому. Бегинки проживали в бегинажах (домах бегинок). — *Здесь и далее — прим. перев.*

Йорг де Брюнкер — отец Алейдис, торговец тканями.

Криста де Брюнкер — супруга Йорга.

Эльз — кухарка в доме Николаи.

Лютц, Вардо, Зимон — слуги.

Герлин, Ирмель — служанки.

Зигберт Хюссель, Тоннес ван Кнейярт — подмастерья.

Должностные лица города Кельна:

Винценц ван Клеве — один из трех полномочных судей² Кельна, брат Альбы, сын Грегора ван Клеве, меняла и кредитор.

Кристан Резе — один из трех полномочных судей Кельна.

Георг Хардефуст — один из трех полномочных судей Кельна.

Эвальд фон Одендорп — адвокат и нотариус.

Иоганн Хюссель — шеффен³, отец Зигберта.

Рихвин ван Кнейярт — шеффен, отец Тоннеса.

Прочие действующие лица:

Грегор ван Клеве — отец Винценца ван Клеве и Альбы, меняла и кредитор.

Альба — старшая сестра Винценца ван Клеве, вдова.

Аннелин — покойная супруга Винценца ван Клеве.

---

² Полномочный судья — чиновник в средневековом Кельне с широкими полномочиями, отвечавший за розыск и осуждение уголовных преступников.

³ Шеффены — в средневековой Германии члены судебной коллегии.

Матис Гревероде — сын члена Совета и капитана городской гвардии Тильмана Гревероде и его жены Миры.

Хардвин Штакенберг — торговец вином, сосед Алейдис Голатти.

Сигурт Вайдбрехер — купец.

Хиннрих Лейневебер — ткач.

Мастер Клайвс — архитектор, строитель собора в Кельне (его прототипом является реально существовавшее лицо — Николаус ван Бюрен (1380–1445)).

Клевин — слуга в доме Винценца ван Клеве

Аильф, Людгер — стражники в доме Винценца ван Клеве.

Матс Кройхер — городской страж.

Мастер Фредебольд — кузнец-оружейник.

Мастер Шуллейн — сапожник.

Йоната Хирцелин — старшая бегинка в бегинаже на Глокенгассе.

Отец Экариус — бенедектинец, священник в приходе Святой Колумбы, брат Йонаты.

Меттель — бегинка.

Эльзбет — хозяйка борделя «У прекрасной дамы» на Швальбенгассе в квартале Берлих.

Гизель — публичная женщина в борделе «У прекрасной дамы».

Трин, Энне — бывшие проститутки, ныне служанки в борделе «У прекрасной дамы».

Геро — сын Энне, слуга в борделе «У прекрасной дамы».

Адельгейд Лангхольм — дочь странствующего торговца горшками и сковородками.

Бальтазар — брат Вардо, слуги в доме Голатти.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА _____

Ленц — уличный мальчишка, младший брат Герлин, служанки в доме Голатти.

Биргель — портовый работник, старший брат Кленца.

Кленц — портовый работник, младший брат Биргеля.

Йупп — банщик.

КЕЛЬН, 16 АВГУСТА 1423 ГОДА
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

ГЛАВА 1

Ни выгребная яма, ни навозная куча сегодня больше не смущали обоняние своим зловонием. Старший слуга Лютц вчера погрузил навоз в большую телегу и отвез его к брату, который выращивал овощи на продажу. А выгребную яму двумя ночами ранее вычистили золотари. Солнце вот-вот должно было взойти над крышами и шпилями города, обещая еще один теплый летний день, а вокруг уже на все голоса щебетали утренние птицы. Почти неделю стояла сушь, и вот снова пошли дожди — к вящей радости трав и овощей, произраставших в огороде.

Алейдис любила лето. Она все еще стояла у черного хода, ведущего на кухню, глубоко вдыхая свежий, пряный утренний воздух, наслаждаясь легким ветерком, шелестящим в листьях каштанов, что росли на границе квадратного двора. Один взгляд на кроны этих могучих древних деревьев вызвал у нее улыбку. Урожай каштанов нынче будет богатым — это видно невооруженным глазом. Ей нравился вкус этих сладких плодов, покрытых кожурой

с колючками. И хотя кухарка Эльз утверждала, что от каштанов могут случиться несварение желудка, метеоризм и диарея, а значит, не стоит употреблять их в пищу, Алейдис все эти напасти обходили стороной. Кроме того, каштаны экономили им кучу денег зимой. Поэтому она запасала их всеми возможными способами — варила, коптила, жарила. Да и как иначе, ведь на ней лежала ответственность за большую семью, и ей не хотелось обременять лишними расходами семейную казну, которая не оскудевала благодаря ее мужу. Николаи Голатти всегда подчеркивал, как он гордится своей рачительной и бережливой хозяйшкой, и ей была приятна его похвала. Нужды в деньгах они не испытывали. Николаи был одним из самых известных и богатых менял в Кельне. Огромный двор и роскошный интерьер добротного двухэтажного дома лучше всяких слов свидетельствовали о достатке, который глава семьи способен был обеспечить домочадцам. Однако Алейдис считала, что это не дает повода швыряться деньгами направо и налево. С детства привыкшая к скромности и умеренности, она гордилась тем, что кладовка у нее забита всяческой снедью и каждый день их стол ломится от вкусных блюд, которые она приготовила сама.

Незадолго до девятнадцатилетия она приняла на себя заботу о доме своего отца, торговца тканями Йорга де Брюнкера. Эта обязанность досталась ей как единственной дочери в наследство от матери,

почившей пять лет назад. Отец всецело жил в мире тканей, шерсти и сукна. Он разъезжал по ярмаркам и постоянно устраивал дома пирушки, на которые приглашал других купцов. Кто-то должен был обо всем позаботиться, и Алейдис взялась за это с большой охотой. Ее переполняла радость от того, что во вверенном ей хозяйстве дела идут по заведенному распорядку. Но больше всего ей нравилось вести бухгалтерию. Эту работу все чаще доверял ей отец, после того как преподавал некоторые азы. В прошлом бухгалтерией занималась мать. К счастью, Алейдис унаследовала от нее разборчивый почерк и умение быстро вникать в дела. Будь на то воля Алейдис, она прожила бы так всю жизнь, наслаждаясь ее неспешным и размеренным течением. Но в один прекрасный день Йорг пришел к дочери и сообщил, что хочет снова жениться. Криста, вдова скорняка, была его юношеской любовью. В свое время он просил ее руки, но ему отказали, так как тогда он был беден как церковная мышь. Однако теперь она была свободна и готова выйти за него замуж. У нее было трое детей — две дочери, уже совсем взрослые, всего на пару лет младше Алейдис, и двенадцатилетний сын.

Алейдис порадовалась за отца и не только приняла новую родню с широко раскрытыми объятиями, но и восприняла как нечто само собой разумеющееся, что обязанностей по дому у нее прибавилось. Но она не учла, что две хозяйки редко способны

ужиться на одной кухне. Особенно если обе обладают взрывным темпераментом. Ссоры и скандалы стали частью повседневной рутины. В конце концов все это стало Йоргу в такую тягость, что он решил — ради общего блага, как он сказал, — что пора уже Алейдис обзавестись собственным домом. Вероятно, он уже имел какие-то соображения на этот счет, потому что подходящий жених сыскался довольно быстро. Сначала Алейдис отнеслась к выбору со скепсисом. Избранник был старым другом отца, и слово «старый» тут нужно понимать буквально.

За несколько месяцев до назначенной даты свадьбы ему стукнуло пятьдесят шесть лет, так что двадцатилетняя Алейдис была более чем вдвое моложе его. Девушка не стала противиться замужеству, потому что оценила добрый нрав Николаи и к тому же заметила, что по-настоящему нравится ему. Вскоре после бракосочетания он доверил ей часть своих бухгалтерских книг и попросил ее привести их в порядок и впредь держать при себе. Чуть позже он признался, что, сватаясь к ней, клял себя за то, что берет в дом такую молодую и красивую женщину. Женщину, которая даже на шесть лет моложе его собственной дочери и в которой он души не чаял. Он боялся, что своей красотой и статью Алейдис будет возбуждать черную зависть у всех холостяков Кельна. Ему действительно приходилось время от времени терпеть насмешки и издевательства. Само собой, многие задавались вопросом, хватит ли

ему мужской силы, чтобы справиться с юной и свежей Алейдис. Признаться, он и сам задавал себе этот вопрос, поскольку уже давно страдал от растущей нехватки мужской выносливости, как он это в шутку назвал. Но, как выяснилось потом, это во все не помешало ему исполнить супружеский долг в их первую брачную ночь.

С легкой улыбкой Алейдис присела на каменную скамью на краю сада и вспомнила то первое соитие. Ей было немного страшно, но, как выяснилось потом, для страха не было причины. Николаи подошел к этому вопросу с умом и тактом, попытавшись сделать все наиболее приятным для нее образом. И пусть он не обладал выносливостью юнца, Алейдис могла считать себя счастливицей. Наверняка есть женщины, которым повезло меньше.

В ответ на доброту и ласку Алейдис хотела бы подарить мужу сына, рождения которого он желал больше всего на свете. Собственно говоря, это была еще одна причина, по которой он решил жениться во второй раз. Первая жена умерла от лихорадки шесть или семь лет назад, родив ему лишь одну дочь. Она беременела еще не единожды, но всех детей либо до, либо сразу же после рождения Господь призвал в царствие небесное. В какой-то момент супруги сдались. Алейдис подозревала, что причина того, что у Николаи пропало желание, заключалась не в нем самом, а в том, что Гризельда, его покойная супруга, была на несколько лет старше его

и ее трудно было назвать привлекательной. Как еще можно было объяснить то, что, как только у него появилась молодая и хорошенькая женушка, жизненные силы вдруг вернулись к нему, пусть и не в полной мере. В свое время он женился на Гризельде из-за ее огромного приданого и из-за связей ее семьи с влиятельными домами не только в Кельне, но и в окрестных городах. Эти связи до сих пор помогали ему преуспевать в делах. Но теперь, когда Николаи обзавелся новой женой, он надеялся, что долгожданный наследник наконец появится. Алейдис была бы счастлива доставить ему эту радость, но пока все их старания оказывались тщетными.

Прошлой ночью Николаи снова возлег с ней. И теперь, скользя задумчивым взглядом по грядкам с репой, горохом и луком, которые освещали первые лучи солнца, Алейдис решала, какому святому ей помолиться о рождении ребенка, чтобы тот слегка подтолкнул счастье в их сторону. Она не могла выбрать между Марией Магдалиной, святой Люсией и святой Маргаритой. Как раз в тот момент, когда она прикидывала, не будет ли самым разумным воззвать сразу ко всем трем, у нее за спиной раздалися шаги по каменным плитам, которыми был вымощен двор. Мгновение спустя она почувствовала на плечах теплые руки.

— Ну вот, куколка моя, я хоть раз застал тебя бьющей баклуши, да?

Алейдис откинула голову назад и с улыбкой посмотрела в веселые карие глаза мужа.

— Это единственное время, когда я могу спокойно подумать о своем. Надеюсь, вы не обидитесь на меня за это.

— С чего бы мне обижаться? Я знаю, что ты никогда долго не сидишь на месте. И чего это мы такие официальные с утра пораньше? Кроме нас, тут никого нет, так что нет нужды обращаться ко мне как к суровому мужу и повелителю.

— Как скажешь, Николаи. Но с минуты на минуты выйдут горничные, а слуги отправятся по своим делам. Хочешь, чтобы они увидели, как мы тут милуемся?

— Ой, о том, чего я хочу, я лучше распространяться не буду, чтобы, не дай бог, тебя не испугать. И вообще, будучи мужем такой очаровательной куклки, как ты, разве я не имею права вести себя как влюбленный юнец? Хотя бы у себя дома.

— Это правда, у себя дома ты можешь делать все что пожелаешь.

— И я того же мнения. — Он тихонько засмеялся и погладил седую бороду. — Какого рода мысли занимали тебя до того, как я тебя потревожил? Мне нужно о чем-то знать?

— Ну как сказать... — Алейдис поправила края простого белого чепчика. — Возможно, тебе не понравится то, что я придумала.

— Ты полагаешь? — Он взглянул на нее с любопытством. — Я заинтригован. О чем идет речь?

— Это будет стоить тебе совсем немного.

— Скажи уже наконец, что будет стоить мне «немного»? Новое платье? Туфли? Украшения?

Алейдис недоуменно покачала головой.

— Нет, что ты. Нет, совсем нет. У меня достаточно платьев и туфель, а украшения я обычно не ношу, они мешают мне работать. Нет, понимаешь, я хотела бы помолиться в Святой Колумбе⁴ и поставить несколько свечей. Хорошие восковые свечи, они понравятся святой Маргарите и святой Люсии. И Марии Магдалине, я надеюсь. Возможно, они помогут мне...

Громкий хохот Николаи оборвал ее на полуслове.

— Это не смешно! — возмущенно воскликнула Алейдис, опешив от такой бестактности.

— Напротив. Вы только послушайте! Моя красивая, молодая, пышущая здоровьем супруга хочет попросить чуда у святых покровительниц бесплодных жен и рожениц. Что, правда? Нет, куколка моя, ничего смешнее этого я за всю жизнь не слышал.

Увидев, что жена нахмурилась, Николаи снова посерьезнел.

— Сокровище мое, — сказал он, сжимая ей ладонь, — мы женаты всего шесть месяцев, и если

---

⁴ Одна из крупнейших приходских церквей в средневековом Кельне.

ты пока еще не забеременела, то дело не в тебе, а во мне.

— Нет же, Николай!

— Да, конечно, да. Но стоит ли из-за этого выбрасывать кучу денег на какие-то свечи, которые продают втридорога? Нет, определенно не стоит. Лучше потратить эти деньги на новую одежду, красивые платья и чепчики или что-то в этом духе. На то, что побудит твоего не слишком усердного муженька удвоить рвение на супружеском ложе. Уверю тебя, пользы от этого будет больше, чем от самой толстой свечи, которую ты зажжешь в Святой Колумбе, Большом Святом Мартине⁵ или где-либо еще у ног святых.

Он огляделся по сторонам и чмокнул ее в щеку, а затем подарил еще один поцелуй, чуть более долгий, — в губы.

— Ну так что, идет?

— Ты о чем?

Смутившись, она тоже огляделась. Где-то стукнула дверь. Затем раздалось фальшивое пение. Это была служанка Ирмель. Она всегда пела за работой.

— Ну, что ты закажешь себе новое платье. И красивый чепчик. А как насчет серебряной сетки на голову, которая будет поддерживать твои прекрасные светлые волосы? Цветом они напоминают

---

⁵ Церковь в северной части средневекового Кельна.

мне мед. Может быть, какой-нибудь локон или даже два вырвутся из сетки и заиграют на твоём лице. Мне бы это очень понравилось.

Алейдис почувствовала, как щеки заливает румянец.

— Но ведь это так неприлично!

— Брось, нет ничего неприличного в паре локонов. Особенно если таково желание твоего супруга. Он подмигнул ей.

— Так что лучше сходи к отцу за тканями, а затем отправляйся к портнихе. Может быть, она успеет к выходным. Мы же приглашены на пир в замок Шалленгоф.

— В субботу? — спросила Алейдис, снова помрачнев. — Но ведь это совсем скоро. Госпоже Беате придется сильно поторопиться. И откуда ты знаешь, что у отца найдется подходящая ткань?

— Уверен, для дочери он постарается. Насколько мне известно, он недавно купил несколько тюков парчи — белой и синей. Думаю, он сможет подобрать тебе что-нибудь стоящее.

Она хотела было возразить. Синяя парча была неприлично дорогой. Но Алейдис знала, что Николаи любит ее баловать и просто светится от счастья, когда ей выпадает случай покрасоваться на людях в роскошных нарядах. Поэтому почла за благо промолчать и порадовалась возможности пополнить свой и без того обширный гардероб великолепной

коттой⁶ с сюрко⁷. Какой бы экономной она ни была, ей, как и всякой женщине, нравилось наряжаться в красивые платья, чепчики и башмаки.

— Спасибо, Николаи, ты очень щедр.

Она сжала его руку, улыбнулась и поднялась со скамьи.

— Но теперь, боюсь, мне пора возвращаться к работе. Вообще-то я просто хотела взглянуть на петрушку и срезать пучок для яичницы, которую Эльз пожарит нам на завтрак.

Николаи тоже встал и еще раз поцеловал ее в щеку, хотя она деликатным кашлем и пыталась намекнуть ему, что они больше не одни.

— Тогда не буду тебя задерживать. Хорошая яичница — что может быть лучше в начале нового прекрасного дня?

Он озорно усмехнулся, когда служанка Ирмель, костлявая женщина лет тридцати с русыми волосами под простой белой косынкой, протопала мимо них, стуча тяжелыми деревянными башмаками, и толкнула дверь в курятник, то и дело кидая в их сторону любопытные взгляды.

— Доброе утро, Ирмель, — поздоровался с ней Николаи.

---

⁶ Средневековая одежда наподобие туники с узкими рукавами.

⁷ Средневековое женское платье.

Лицо служанки расплылось в улыбке.

— Доброе утро, хозяин, доброе утро, госпожа. А я тут кур решила покормить. Не хотела вам мешать.

— Ты совсем не мешаешь, — поспешила возразить Алейдис.

— Да? А мне показалось... Ну, так я это, пойду?

Густо покраснев, Ирмель нырнула в курятник, выпустив при этом во двор галдящих птиц.

Алейдис усмехнулась.

— Ну вот, мы ее смутили.

— Ну и что? К завтраку она уже обо всем забудет. Вот увидишь.

Посмеиваясь в усы, Николаи направился обратно к дому. Алейдис тоже усмехнулась, подошла к одной из грядок и окинула взглядом густо разросшиеся кусты петрушки. Срезая петрушку маленьким ножиком, который она захватила на кухне, она думала, как все-таки здорово быть женой ломбардца Николаи Голатти. И что с того, что он старше ее отца? Ее это нисколько не волновало, а если кому и кололо глаза, то это их проблемы. Она уверена, что лучшего мужа и лучшей жизни для нее и представить себе невозможно.

Возвращаясь вечером со слугой Вардо от портнихи, Алейдис еще издали заметила, что перед домом образовалась толпа. В центре толпы что-то происходило. Она разглядела Эльз и молодую служанку

Герлин. Обе жалобно причитали, а Герлин даже заламывала в отчаянии руки.

— Что там такое? — удивилась Алейдис и прибавила шагу. — Что там за шум? Ты можешь сказать?

Вардо, крепкий коренастый мужчина с огромными мышцами и редкими светлыми волосами до плеч, неодобрительно покачал головой.

— Опять сцепились языками и болтают без умолку. Всегда так.

— Нет, на этот раз что-то другое. Послушай, похоже, что там драка.

Алейдис почти бегом поспешила по Глокенгассе, энергично расталкивая в стороны мальчишек-подмастерьев, которые собрались поглазеть и так некстати преградили ей путь.

— Что происходит... Ах, боже ты мой!

Она испуганно уставилась на двух детишек, которые отчаянно боролись друг с другом в дорожной пыли. Одним из возмутителей спокойствия был Ленц, девятилетний брат ее служанки Герлин, а вторым...

— Урзель! — охнула Алейдис.

Она опустила корзину с покупками на землю и решительной походкой направилась к детям. Но те были так увлечены, что не заметили ее и чуть было не задели ногами.

— Так, хватит, вы оба!

Она огляделась по сторонам.

— Герлин, а ты что стоишь глазеешь? Почему ты до сих пор их не разняла?

Служанка, которой не так давно миновало шестнадцать, беспомощно развела руками.

— Простите меня, госпожа, но я просто не знаю, что делать. Они набросились друг на друга как сумасшедшие. Я даже не смогла...

— Чушь!

Не обращая внимания на пинки, она схватила первую попавшуюся руку и сильно дернула ее, оттащив Ленца от Урзель. В следующий момент она рывком поставила его на ноги.

— Вы что, оглохли?! Немедленно остановитесь!

Она вложила в голос всю властность, на которую только была способна. А способна она была на многое, иначе как бы она управлялась с хозяйством Николаи. Девятилетняя Урзель, почти такая же соломенная блондинка, как и ее противник, перекадилась по земле и тоже поспешно вскочила на ноги.

— Госпожа Алейдис! — испуганно выпалила она, отряхивая испачканное пылью платье. Ее красивые косы совсем расплелись. — Я вас не заметила.

— Это меня мало удивляет. Как вы смеее кататься в пыли на глазах у всех?

Суровый взгляд Алейдис скользил с одного ребенка на другого. Затем она подняла голову и обвела взглядом всех присутствующих.

— А вы чего стоите здесь и таращитесь, вместо того чтобы положить конец этому недостойному зрелищу?

Она заметила в толпе Зигберта и Тоннеса, двух подмастерьев мужа.

— Ну? Вы что скажете?

Пятнадцатилетний Зигберт — он был на два года младше Тоннеса — густо покраснел.

— Э-э-э-э, ну я... я вообще только подошел. Правда, госпожа Алейдис, у меня не было возможности...

— А ты, Тоннес?

Высокий юноша пожал плечами.

— Я не собираюсь вмешиваться. Если два молодкоса считают, что им нужно вцепиться друг другу в волосы, это не мое дело.

— Даже так?

Не отпуская Ленца, который корчился от боли в ее железной хватке, она шагнула к ученику.

— Подумай-ка хорошенько, прежде чем ответить снова.

Хотя Тоннес был на целую ладонь выше Алейдис, ее пронзительного взгляда оказалось достаточно, чтобы он слегка склонил голову, демонстрируя свое почтение и покорность.

— Да все в порядке, я просто хотел сказать, что лучше подожду, пока они немного устанут, чтобы никто из них меня не пнул или, чего доброго, не укусил.

— Вернемся к этому разговору позже.

Алейдис повернулась к остальным зевакам.

— А вы чего? Здесь не на что больше смотреть. Убирайтесь отсюда.

Крепко схватив Урзель за руку, она потащила обоих детей за собой в дом. Эльз и Герлин последовали за ней, прихватив корзину.

Убранство кухни состояло из кирпичного камина, такой же кирпичной печи с решеткой и вертелами для жаркого и каменной раковины, еще одной печи, которая растапливалась со двора, прямоугольного дубового стола и пары массивных скамей. Алейдис молча указала на одну из скамей, и нарушители спокойствия сели. Но она не успела и рта раскрыть, как оба загалдели.

— Это Ленц начал.

— Урзель — мерзкое чудище.

— Никакое я не чудище!

— А я ничего не начинал!

— Нет, начинал! А я девочка, а не чудище!

— Но ты как чудище, и притом такое мерзкое, ни один мужчина не возьмет тебя в жены, потому что ты такая глупая...

— Еще одно слово, и вам обоим не поздоровится! — рявкнула Алейдис, упершись руками в бока. — Вы что, оба рассудка лишились? Урзель, посмотри, на кого ты похожа! Разве так выглядят хорошие девочки? Твои волосы растрепаны и все

в пыли. Я уже молчу о платье. Я даже не хочу знать, что это за пятна. Ты порвала подол, и у тебя на лбу ссадина.

Рука Алейдис непроизвольно потянулась к шрамику, который красовался у нее прямо над левой бровью. Этот шрам и еще один — в форме полумесяца на подбородке, пусть и поблекший за долгие годы, — она заработала не в потасовке, а когда, будучи восьми лет от роду, предавалась не самому приличному для юной особы занятию — лазила по ветвям вишневого дерева в отцовском саду. Алейдис с пониманием относилась к детским шалостям и безрассудствам, но терпеть не могла, когда кто-то использовал кулаки и зубы для разрешения споров. И неважно, были те спорщики женщинами или мужчинами.

— И на руке тоже, — в голосе Урзель уже не слышалось прежней строптивости.

Вероятно, она только теперь заметила, что поранила правое запястье. Маленькая струйка крови стекала в рукав ее потрепанного коричневого платья.

— Дай посмотрю.

Со знанием дела Алейдис осмотрела царапину и кивком указала Герлин на дверь.

— Принеси чистой воды и бинтов. И для своего своенравного младшего братца тоже.

— Да, госпожа, сию минуту.

Склонив голову, служанка убежала.